

9. Moskovskaya D.S. Lokalno-istoricheskiy metod N.P. Antsiferova // Russkoe literaturovedenie XX veka. Imena, shkolyi, kontseptsii. M.–SPb., 2012.

10. Otdel rukopisey Instituta mirovoy literatury i im. A.M. Gorkogo RAN. F. 52.

11. Pogodin N. Mirovoy vuz pisatelya// Sovetskoe iskusstvo. 1933. № 5.

12. Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv literatury i iskusstva. F. 631.

13. Halizev V.E. Teoriya literatury. M., 2009.

14. Shekspir // Teatralnaya entsiklopediya. M. : Sov. entsikl., 1967.

15. Shekspir. Entsiklopediya. M., 2007.

Considering the issue of historicism of S.D. Krzhizhanovsky

There is considered the view on Shakespeare heritage by a literary critic S.D. Krzhizhanovsky. There is analyzed the notion of historicism in the unpublished report by S.D. Krzhizhanovsky "About the Historic Chronicles of Shakespeare" read in the 1935 in the autonomous section of playwrights in the organizing committee of the Union of Soviet Writers.

Key words: *chronicles of Shakespeare, S.D. Krzhizhanovsky, historicism, Soviet dramaturgy, nomothetic and idiographic approaches, methodology of history.*

(Статья поступила в редакцию 29.09.2014)

Л.И. КОЛОБРОДОВА
(Волгоград)

КОНФЛИКТЫ И ХАРАКТЕРЫ В ДВУЧАСТНЫХ РАССКАЗАХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА 1990-х гг.

Рассматриваются особенности конфликтных ситуаций в рассказах А.И. Солженицына 1990-х гг. «Эго» и «На краях», позволяющие художнику-реалисту воссоздать правду характеров персонажей, испытывающих сверхпредельные исторические нагрузки XX в.

Ключевые слова: *реализм, Гражданская война, двучастный рассказ, герой, характер, конфликт.*

Возвращение на Родину в 1990-е гг. писателя-реалиста, продолжателя традиций классической русской литературы А.И. Солженицына ознаменовано в отечественной сло-

весности появлением нового жанра. Это, по определению самого художника, «двучастные рассказы», позволяющие проследить процессы деформации характера личности, переживающей период «слома эпох». Рождение нового жанрово-композиционного единства – следствие сознательного стремления автора сопоставить судьбы оказавшихся по разные стороны «излома», воздерживаясь от выражения субъективных оценок, не принимая «частной» правды ни одной из сторон, участвующих в конфликте.

В 1990-е гг. взгляд А.И. Солженицына направлен не столько на обличение советской власти, как в рассказах 1960-х гг., сколько обращен в глубь событий, к анализу причин и сокрушительных последствий исторических переворотов, главный из которых – «русский характер в процессе деформаций» [4, с. 245]. Именно поэтому основное внимание в двучастных рассказах уделяется конфликту внутреннему: автор ставит героев перед нравственным выбором, прослеживает их путь к компромиссу с совестью, на который многие из них решаются, с трудом переступая через христианские заповеди и нормы человеческого общежития.

Конфликт как «противоречие между жизненными (как правило, нравственными) позициями персонажей, служащее источником развития сюжета» [14, с. 42] А.И. Солженицын выбирает так, чтобы удалось раскрыть характер, «целое героя как определенной личности» [2, с. 151]. Перед таким нравственным выбором и находятся герои двучастного рассказа «На краях», где исследуется «ситуация излома эпохи, рассмотренная через призму двух конкретных человеческих судеб» [10, с. 3]. Для писателя, выбравшего такое название для своего произведения, безусловно, важным было определение В.И. Даля, труды которого он прекрасно знал и ценил: «край – начало и конец; <...> предел, рубеж, грань; <...> ближайшая к наружности» [6, т. 1, с. 184], а «излом» – «место, в котором вещь переломана» [Там же, т. 2, с. 23]. Предпочтение такого рода названий (один из двучастных рассказов так и называется – «На изломах») позволяет художнику говорить об истории XX в., которая «изломила» эволюционное русло русской жизни, а «переломан» оказался человек.

В рассказе «На краях» в ситуацию жизненного выбора писатель ставит историческую личность – Маршала Советского Сою-

за Г.К. Жукова. Здесь основной конфликт эпохи – между «красными» и «белыми» – воспринимается как само собой разумеющееся, отодвигаясь на второй план, а на первом воспроизводится «устойчивая конфликтность бытия, часто не проявляющаяся в прямых столкновениях персонажей» [8, с. 393], однако постоянно возникающая в споре Жукова-героя с самим собой. На протяжении всего рассказа художник акцентирует внимание на противостоянии «властителям» земным бесстрашного человека из тех, что «Смело входили в чужие столицы, / Но возвращались в страхе в свою...» [3, с. 347]. Важно учесть, что задачей А.И. Солженицына было не опорочить военачальника, а показать, что компромиссы с совестью, которые неизбежны в условиях режима тоталитарного правления, не признают маршалских звезд: они равно губительны и для рядовых, и для генералов.

Создавая «целое» главного героя рассказа, автор использует различные способы создания этого образа: имя, портретная и речевая характеристики и др. По-видимому, стремясь отодвинуть от своих читателей стереотипные ассоциации имени советского полковника с именем святого Георгия, писатель открывает рассказ о детстве героя именем *Ёрка* [13, с. 397], подчеркивающим заурядность мальчика, в «солдатском ранце» которого позднее обнаружится «маршалский жезл». Трудно сказать, звал ли кто-нибудь так великого полковника (примечательно, что мать называла Г.К. Жукова *Егором* [7, с. 14]). С начала повествования эта именная характеристика, претерпевая ряд изменений, обогащается новыми смысловыми оттенками: спокойный повествовательный тон о периодах «ровного» течения жизни героя сопровождает имя *Жуков*, наивысшие точки жизненного взлета героя – *Георгий Жуков* (созвучно небесному покровителю русских воинов Георгию Победоносцу). Пятидесятилетний юбилей встречает известный всему миру военачальник *Георгий Константинович*, а вот сторонник компромиссов с совестью у Солженицына назван едва ли не насмешливой скороговоркой – *Георгий Констиныч*.

Выражением авторской позиции выступают и портретная характеристика, подчеркивающая физическую и духовную силу «молодого» героя («не рослый, но крепкий, широкоплечий» [13, с. 297]), военный талант (как значится в рассматриваемом рассказе: «возвысился в учебную команду», «сознательный боец» [Там же, с. 298]) и амбициозность Жукова («перло

из него командное», «непрерывно вглядывался в командарма» [Там же, с. 303]). В Гражданскую войну он как «архитектор» всех главных сражений «вырастает», набирается силы: «Крут! железная воля! один подбородок чего стоит, челюсть! и голос металлический» [Там же, с. 314]. Значимая деталь – «челюсть», которая не раз упоминается в рассказе, выявляя стойкость и непреклонность героя, в то же время вносит в портрет мотив хищничества. Ведь у его персонажа и правда «железная хватка»: «сперва – твой эскадрон, потом – твой полк...» [Там же, с. 308]. После «снятия» с должности и инфаркта у Жукова: «...Все тело и огрузло, и ослабло... <...> И смяк <...> его безпощадный подбородок» [Там же, с. 333] (Солженицын сознательно выбирает приставку «без», отступая от правил современной орфографии, «чтобы не погас точный смысл слова» [2, с. 5]). Измененная портретная деталь отсылает читателей в самую «гущу» повествования, когда «один подбородок чего стоил», вызывая во второй части рассказа сострадание к стареющему человеку, а не герою войны. Усиливает это впечатление и то, что А.И. Солженицын воссоздает психологию героя, «сообщая ему определенный строй мыслей и чувств» (Л.В. Чернец), которые ярче всего переданы в финале произведения. Жуков, больной, «еще менее прежний», «на краю» своей жизни «в глубоком кресле осев, утонув в бессилие – сидел», тяжело вздыхая («О-ох...»), приходит к осознанию, что ошибся: «...Дуррака сваял?...» [13, с. 334]. Этот риторический вопрос, словно «рифмуя» контрастные, но взаимообусловленные понятия (как пишет Солженицын, «безпощадность» и «бессилие»), связывающие оба «края» – начало и конец жизни героя, – заставляет читателей вместе с ним заново продумать всю жизнь полковника, вписанную в контекст истории всего Отечества, которому нелегко дались как успехи, так и «огрехи» наших маршалов.

Писатель сознательно заостряет внимание на годах фронтовой молодости Жукова, когда он, крестьянский сын и красный командир, вынужден участвовать в «уничтожении породившего его мира русской деревни...» [4, с. 255]. Военные операции против «своих» превращают его в «ожестелого бойца» [13, с. 302], а впоследствии и приводят к эмоциональному опустошению, которое достигает своего максимума в финальных эпизодах жизни героя Солженицына. Однако пока молод – казаки, калмыки, «антоновцы» – кого только нет в списке «побежденных» им!

Среди них и тот, чья судьба в центре «Эго» – второй части рассказа. Здесь, как и в «На краях», основным двигателем действия выступает внутренний конфликт персонажа, вынужденного «приглушить» в душе голос совести. В отличие от Жукова, который не раз признавал необходимость нравственных «обменов», Эктов оступается только однажды. Однако курьез его художественной «судьбы» в том, что «народолобец», активный деятель и боец, не идущий на компромисс ни с властями, ни с желанием остаться в любимой семье, сознательно выбирает в Гражданскую войну защиту простого народа, но впоследствии его же и предаёт. В начале произведения в Эктове, пришедшем к повстанцам, крепнет мысль о правильности выбранного пути: «Разделял крестьянскую боль – и тем насыщалась душа» [13, с. 283]. А вот дальше повествуются о мучительных днях Эктова, который находится перед тяжёлым выбором: с одной стороны – «повстанцы», за которых он сражался, с другой – любимая семья. Выбор герой делает в пользу родных, ведь «вся полнота жизни – и были они» [Там же, с. 290].

В «Эго» А.И. Солженицыным контрастно «прорисовывается» граница между «тем» Эктовым, честным, страстным, справедливым, и «этим» – измученным «Иудиной ломотою» [Там же, с. 293]: подобно упомянутому библейскому персонажу он «предал кровь невинную». Об искреннем раскаянии свидетельствуют и внутренняя речь персонажа, и авторские описания его поступков, жестов, передающие психологический «слом» того, кто испытывает безмерные муки совести: «Эктов не вскочил, окаменел. Хоть бы – и его поскорей, хоть из нагана, хоть саблей. Мрак от предательства... Все равно... уже не быть человеком» [Там же, с. 294].

Жизненная «окаменелость» Эктова в заключительном эпизоде второй части рассказа относит читателей к «последнему вопросу» (Ф.М. Достоевский) бытия, завершающему внутренний монолог Жукова: «Дурака сваял?»: оба персонажа, независимо от убеждений и своего социального статуса, поддавшись компромиссу с совестью, испытывают сильнейшие страдания и беспощадно судят себя сами. Это тем более убедительно, что и у Эктова был прототип, имя которого встречается в официальных документах. Павел Тимофеевич Эктов – реальная личность, что подтверждают документы, хранящиеся в Государственном архиве Тамбовской области [1, с. 235–236, 556, 577, 644]. В издании «Г.И. Котовский. До-

кументы и материалы» (1956), основанном на официальных данных Центрального государственного архива Красной Армии, также упоминается Эктов. В Приложении № 2 к документу № 283 говорится сначала о некоем «Е», но тут же следует сноска: «“Е” – Эктов, начальник штаба войск атамана Антонова» [9, с. 364]. Документ № 290 в данном сборнике представляет собой очерк Котовского «Тамбовская операция», опубликованный в № 14–16 журнала «Красная рота» в 1923 г., где есть упоминание о встрече с Эктовым. Об Эктове говорится и в публицистических работах [11, с. 73], и в художественной литературе [5, с. 319]. Со многими из этих источников А.И. Солженицын мог быть знаком. К примеру, есть прямые «переключки» с работой Котовского: «Нет слова “товарищ”, есть слово “станичник”» [9, с. 397], ср.: «Приучались называть друг друга не “товарищ”, а “станичник”» [13, с. 292]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что А.И. Солженицын в 1990-е гг. стремится к сохранению документированной основы повествования, снижая долю художественного вымысла в своих произведениях и достигая предельной убедительности каждого образа.

Однако в отличие от строгих документальных свидетельств, образ Эго в рассказе А.И. Солженицына буквально «пропитан» душевными муками: он ни на минуту не забывает о своем предательстве, но не может пожертвовать ради других собственной семьей. Схожее психологическое состояние отмечено и в романе Б. Четверикова «Котовский» (1986), в котором Эктов размышляет о жизни как несокрушимой ценности, в чем-то оправдывая себя: «Какой мне толк от <...> грез человечества <...> с того часа, как меня <...> не будет на свете...?» [15, с. 506]. В «Эго» собственная жизнь после совершения предательства Эктова уже не волнует, недаром рассказ о терзаниях героя художник завершает характеристикой той отрешенности от жизни («Эктов не вскочил, окаменел» [13, с. 296]), за которой – полное безразличие к собственной судьбе, отравленной осознанием непоправимой ошибки. Солженицын оставляет Эго наедине с собственной совестью, несмотря на то, что Эктов «исторический» был «помилован Советской властью и отправился к своей семье» [9, с. 401]. Этому можно найти объяснение: цель Четверикова – создание образа легендарного Котовского, становление личности которого происходит под воздействием социалистических

идеалов. В романе советских лет образ Эктова – повстанца-предателя – не несет самостоятельной смысловой нагрузки, он лишь подчеркивает правильность выбранного красным командиром пути. А Солженицын в 1990-е гг. сторонится «черно-белого» видения мира, герои его двучастных рассказов находятся перед судом не классов, партий, идеологий, а собственной совести, помогая писателю убедительно высказать мысль о сокрушительном влиянии на личность любых исторических «изломов» и социальных экспериментов.

Литература

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг. : документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамб. обл. и др. Тамбов, 2007.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М. : Искусство, 1979.
3. Бродский И. На смерть Жукова // Сочинения в четырех томах. СПб. : Пушкинский фонд, 1994. Т. 2. С. 347.
4. Голубков М.М. Русская литература XX в.: после раскола. М. : Аспект Пресс, 2002.
5. Гуль Р.Б. Котовский и Матюхин // Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. Венков А.В. Буденный / сост. П.Г. Горелов. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. С. 318–323.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978.
7. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления : в 2 т. М. : Новости, 1975. Т. 1.
8. Кормилов С.И. Конфликт // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН. М. : НПК «Интелвак», 2001.
9. Котовский Г.И. Документы и материалы. Кишинев : Гос. изд-во Молдавии, 1956.
10. Латынина А. Красный директор и молодой банкир в условиях дикого рынка // Лит. газ. 1996. № 29. С. 3–4.
11. Ройтман Б. Роль кавбригады Г.И. Котовского в разгроме антоновщины (К 100-летию со дня рождения Г.И. Котовского) // Воен.-ист. журн. 1981. № 6. С. 71–74.
12. Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. М. : Наука, 1990.
13. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 1 : Рассказы и Крохотки. М. : Время, 2006.
14. Тмарченко Н.Д. Конфликт // Литературоведческие термины (материалы к словарю) / ред.-сост. Г.В. Краснов. Коломна, 1999. Вып. 2. С. 42–43.
15. Четвериков Б.Д. Котовский. М. : Воениздат, 1986.

* * *

1. «Antonovschina». Krestyanskoie vosstanie v Tambovskoy oblasti v 1920–1921 gg. : dokumenty, materialy, vospominaniya / Gos. arhiv Tamb. obl. i dr. Tambov, 2007.
2. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / sost. S.G. Bocharov. M. : Iskusstvo, 1979.
3. Brodskiy I. Na smert Zhukova // Sochineniya v chetyreh tomah. SPb. : Pushkinskiy fond, 1994. T. 2. S. 347.
4. Golubkov M.M. Russkaya literatura XX v.: posle raskola. M. : Aspekt Press, 2002.
5. Gul R.B. Kotovskiy i Matyuhin // Krasnyie marshaly: Tuhachevskiy, Voroshilov, Blyuher, Kotovskiy. Venkov A.V. Budennyiy / sost. P.G. Gorelov. Rostov n/D. : Feniks, 1998. S. 318–323.
6. Dal V. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyika : v 4 t. M. : Rus. yaz., 1978.
7. Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyishleniya : v 2 t. M. : Novosti, 1975. T. 1.
8. Kormilov S.I. Konflikt // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatyy / pod red. A.N. Nikolyukina; In-ut nauch. inform. po obschestv. naukam RAN. M. : NPK «Intelvak», 2001.
9. Kotovskiy G.I. Dokumenty i materialy. Kishinev : Gos. izd-vo Moldavii, 1956.
10. Lатынина А. Красный директор и молодой банкир в условиях дикого рынка // Лит. газ. 1996. № 29. С. 3–4.
11. Roytman B. Rol kavbrigady G.I. Kotovskogo v razgrome antonovschiny (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Kotovskogo) // Voен.-ist. zhurn. 1981. № 6. S. 71–74.
12. Russkiy slovar yazyikovogo rasshireniya / sost. A.I. Solzhenitsyn. M. : Nauka, 1990.
13. Sbranie sochineniy v 30 t. T. 1. : Rasskazy i Krohotki. M. : Vremya, 2006.
14. Tamarchenko N.D. Konflikt // Literaturovedcheskie terminy (materialy k slovaryu) / red.-sost. G.V. Krasnov. Kolomna, 1999. Vyip. 2. S. 42–43.
15. Chetverikov B.D. Kotovskiy. M. : Voениzdat, 1986.

Conflicts and characters in two-part stories by A.I. Solzhenitsyn in the 1990s

There are considered the peculiarities of the conflict situations in the stories by A.I. Solzhenitsyn in the 1990s “Ego” and “At the Edges” that allow the artist’s representation of the truth of the characters who suffer great historical burdens of the XX century.

Key words: realism, the Civil War, two-part story, character, conflict.

(Статья поступила в редакцию 19.03.2014)